

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(8), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Мельникова Л. А. Традиции Ф. М. Достоевского в романе А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» / Л. А. Мельникова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 288—304. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-288-304.

Melnikova, L. A. (2024). Influence of Fedor Dostoevsky on Anna Seghers' Novel "Dead Stay Young". *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 288-304. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-288-304. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Традиции Ф. М. Достоевского в романе А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми»

Мельникова Любовь Александровна
orcid.org/ 0000-0001-5257-6069
кандидат филологических наук, доцент
кафедры филологических дисциплин
lmelnikova5@mail.ru

Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени
Н. Г. Чернышевского,
Балашовский институт (филиал)
(Балашов, Россия)

Influence of Fedor Dostoevsky on Anna Seghers' Novel "Dead Stay Young"

Lyubov A. Melnikova
orcid.org/0000-0001-5257-6069
PhD of Philology, Associate Professor,
Department of Philological Disciplines
lmelnikova5@mail.ru

Saratov State University,
Balashov Institute (branch)
(Balashov, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

С точки зрения литературных взаимосвязей анализируются романы А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» и Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Установлено, что произведения Федора Достоевского побуждают как положительных, так и отрицательных героев Анны Зегерс к серьезным размышлениям и вносят коррективы в систему их взглядов на мир. Выявляются сходства в образах Эрнста фон Ливена и Ивана Карамазова: образованность, презрительное отношение к людям, демоническое начало, пропагандирование идеи вседозволенности. Показано, что история Ивана развивается в контексте истории его семьи, история Ливена — в контексте утверждения нацизма в Германии первой половины XX века. Если персонажа русского автора отличает постоянное рефлексирование над коренными вопросами бытия, то герою немецкой писательницы свойственно настроение самодовольства и поиска личной выгоды. Иван способен на внутренний нравственный самосуд, Ливену чуждо раскаяние. Персонаж русского классика является амбивалентным, персонаж немецкой писательницы — исключительно отрицательным. А. Зегерс разделяет идею Ф. М. Достоевского о том, что человек должен понести наказание за совершенное им зло. Зегерс учитывает традиции Ф. М. Достоевского в аспекте нравственной проблематики, что получает отражение на персонажном и идейном уровнях романа, но в то же время сохраняет индивидуальное своеобразие своего творческого метода, выступая в данном произведении обличительницей нацистской идеологии и ее приверженцев.

Ключевые слова:

немецкая проза; *Братья Карамазовы*; Федор Достоевский; Анна Зегерс; литературный диалог.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the literary connections between Anna Seghers' "The Dead Stay Young" and Fedor Dostoevsky's "The Brothers Karamazov." It is established that Dostoevsky's works provoke both positive and negative characters in Seghers' narrative to engage in profound reflections, thereby reshaping their worldview. Similarities are identified between the characters Ernst von Liven and Ivan Karamazov, including their education, disdain for humanity, demonic traits, and the promotion of the idea of moral permissiveness. The evolution of Ivan's story unfolds within the context of his family's history, while Liven's narrative is set against the backdrop of the rise of Nazism in early 20th-century Germany. Whereas the Russian character is marked by constant reflection on fundamental existential questions, the German protagonist exhibits a demeanor of self-satisfaction and a pursuit of personal gain. Ivan is capable of internal moral judgment, while Liven is devoid of remorse. The character from the Russian classic is ambivalent, whereas Seghers' character is unequivocally negative. Seghers aligns with Dostoevsky's idea that individuals must face consequences for their wrongdoings. She engages with Dostoevsky's traditions concerning moral issues, which are reflected on both character and thematic levels in her novel, while simultaneously maintaining her unique artistic approach as a critic of Nazi ideology and its adherents.

Key words:

German prose; *The Brothers Karamazov*; Fyodor Dostoevsky; Anna Seghers; literary dialogue.

УДК 821.161.1Достоевский.07+821.112.2Seghers.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-288-304

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы

народов Российской Федерации

5.9.2. Литературы народов мира

Традиции Ф. М. Достоевского в романе А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми»

© Мельникова Л. А., 2024

1. Введение = Introduction

Анна Зегерс (Anna Seghers, настоящие имя и фамилия Netty Radvanyi, урожд. Reiling, 1900—1983) — немецкая писательница, творчество которой традиционно рассматривается в рамках литературы ГДР. Многие ее тексты отмечены ярко выраженной антифашистской направленностью. Стоит отметить при этом, что художественный мир ряда ее романов («Транзит», «Седьмой крест», «Мертвые остаются молодыми») отмечен следами рецепции идей и творческих приемов Ф. М. Достоевского. Впервые познакомившись с произведениями этого русского классика в школьные годы, А. Зегерс пережила, по ее собственным словам, глубокое потрясение. Впоследствии, рассуждая о Ф. М. Достоевском, она признавалась: «Я не могу оценить его влияния на мою писательскую работу, так как мне не свойственен подобный подход к себе. Я могу лишь повторить, что он необычайно сильно на меня воздействовал» [Достоевский и его время ..., 1971, с. 6]. А. Зегерс подвергала осмыслению образы и идеи Ф. М. Достоевского не только в своих художественных текстах, но и в литературно-критических работах, подтверждением тому служат статьи «Князь Андрей и Раскольников» («Fürst Andrei und Raskolnikow») (1944), «Наполеоновская идеология власти в произведениях Толстого и Достоевского» («Der napoleonische Macht-Ideologie in den Werken Tolstois und Dostojewskis») (1948), «Идея наполеоновской власти в произведениях Толстого и Достоевского» («Die Idee von der napoleonischen Macht in Romanen von Tolstoi und Dostojewski») (1963).

На факт наличия параллелей в поэтике текстов Ф. М. Достоевского и А. Зегерс обращали внимание И. Мишин [Мишин, 1974], Г. М. Фридлендер [Фридлендер, 1978], Т. Л. Мотылева [Мотылева, 1984], Ю. Леман [Леман, 2018], Г. Г. Ишимбаева [Ишимбаева, 2021], а также автор настоящей статьи Л. А. Мельникова [Мельникова, 2022].

Необходимо отметить, что на сегодняшний день в российском литературоведении проблема творческих взаимосвязей текстов А. Зегерс и Ф. М. Достоевского изучена недостаточно подробно и разнопланово. Развернутый сравнительно-сопоставительный анализ отдельных образов и идей романов А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» и Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» представляется своевременным ввиду того, что в настоящее время в отечественной науке о литературе отсутствуют труды, содержащие развернутые результаты подобных исследований. Это обосновывает новизну нашей работы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования являются романы А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» и Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Актуальность нашего исследования обусловлена, во-первых, возрастающим интересом современного отечественного литературоведения к проблемам русско-немецкого литературного диалога XIX—XXI веков, что подтверждает серия научных конференций «Россия — Германия: литературные встречи», «Россия / СССР и Запад. Литературные контакты. XX век», проводимых на базе Института мировой литературы (ИМЛИ) РАН, во-вторых, необходимостью изучения влияния идей русских писателей-классиков на проблематику романной прозы А. Зегерс, так как это позволит расширить представления о специфике художественного метода данного автора.

Цель нашей работы — посредством развернутого сравнительно-исторического анализа образов героев романов А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» и Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» — Эрнста Ливена и Ивана Карамазова — выявить признаки литературного влияния традиций русского классика на поэтику романа немецкой писательницы на персонажном и идейном уровнях. Данная цель может быть достигнута посредством решения следующих задач: 1) выявить влияние сюжетов и мотивов русской литературы на художественный мир романа А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми»; 2) проанализировать творческие параллели в характерах Эрнста фон Ливена и Ивана Карамазова; 3) определить значение демонического начала в раскрытии образов Ливена и Карамазова; 4) рассмотреть специфику раскрытия проблемы вины и ответственности в романе А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» в контексте рецепции идей Ф. М. Достоевского.

Автор статьи использовал сравнительно-исторический метод анализа, посредством которого выявляются сходства в образной системе, идейном содержании названных произведений. Применение данного метода для

анализа художественных миров романов «Братья Карамазовы» и «Мертвые остаются молодыми» позволяет определить роль влияния Ф. М. Достоевского на эстетические установки А. Зегерс в аспекте разработки ею социальной и антифашистской проблематики, изображения переживаний «маленького человека» в ее последующем творчестве.

Теоретической базой исследования явились работы, посвященные изучению романного творчества Ф. М. Достоевского [Фридлендер, 1964; Кийко, 1976; Кантор, 1983; Геригк, 2016; Подосокорский, 2007; Струк и др., 2022] и А. Зегерс [Фридлендер, 1978; Мотылева, 1984; Леман, 2018; Ишимбаева, 2021].

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы в вузовских курсах по истории русской литературы XIX века, истории зарубежной литературы XX века, спецкурсах, посвященных русско-зарубежным, русско-немецким литературным связям, специфике немецкого романа XX столетия.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Русская литература в художественном мире романа А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми»

Роман «Мертвые остаются молодыми» (“Die Toten bleiben jung”), увидевший свет в 1949 году, занимает особое место в творческом наследии данной писательницы, так как это произведение — самое широкоохватное творение Анны Зегерс, в котором во всю мощь раскрылось ее эпическое дарование, реалистическое дарование «рассказчика», умеющего видеть и показывать жизненные судьбы в широких взаимосвязях и сопоставлениях [Топер, 1989, с. 581—582].

Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1879—1880), по мнению многих исследователей, является вершинным творением русского писателя. Данный текст примечателен тем, что в нем обрисована широкая картина жизни России пореформенной эпохи, выведена галерея разнообразных и сложных характеров, в нем разворачивается целая цепь острых, драматически напряженных событий, описанных с огромной психологической правдивостью и художественной силой [Фридлендер, 1964, с. 326—327].

Выбор произведений для сопоставительного анализа обусловлен наличием в романе «Мертвые остаются молодыми» эксплицитных и имплицитных отсылок к мотивам, образам и идеям вышеназванного текста русского классика. Это вполне объяснимо с учетом того обстоятельства, что сама А. Зегерс относила «Братьев Карамазовых» к числу своих любимых произведений Ф. М. Достоевского.

В романе «Мертвые остаются молодыми», воссоздающем наиболее драматичные моменты немецкой истории первой половины XX века, особое место отведено русской литературе. В имении одного из героев — Отто фон Клемма — есть собака, *«ее звали, как собаку в одном русском романе — Перезвон»* [Зегерс, 1989, с. 134] Часть жизни другого персонажа романа А. Зегерс — Эрнста фон Ливена — была связана с Россией. Он вырос в Петербурге, учился в русско-немецкой школе, при этом *«<...> все эти годы был одинок и поневоле, еще мальчиком, привык находить себе друзей среди героев книг. Его ближайшими товарищами стали Родион Раскольников и Иван Карамазов»* [Там же, с. 82].

А. Зегерс использует отсылки к русской литературе в том числе и для того, чтобы сопоставить по принципу контраста нравственные идеалы русских авторов и своих героев — последователей фашистской идеологии. Особенно показательно это в контексте периодически возникающего в романе мотива раскаяния. Лютгенс в ответ на исповедь Ливена о соблазнении им дочери управляющего Шубгута выносит весьма категоричный вердикт: *«<...> у тебя в крови застряла чисто славянская бацилла самобичевания. У русских писателей то и дело наталкиваешься на героев, для которых нет больше радости, чем раскаяние. Я вынужден лишить тебя этой радости»* [Там же, с. 216—217]. Отметим, что увлечение русской литературой в данном случае становится причиной косвенной критики Ливена его собеседником. Согласно художественной концепции А. Зегерс, чтение романов Ф. М. Достоевского серьезно повлияло на систему мировоззренческих координат персонажа Эрнста фон Ливена, однако этот герой немецкой литературы осмысливал идеи, ключевые для произведений русского писателя, не целостно, а выборочно, фрагментарно.

Тексты русского классика он делает одним из предметов обсуждения во время разговоров с супругой Клемма, а саму ее сравнивает с одной из героинь Ф. М. Достоевского. После своего отъезда из имения Клеммов Ливен присылает Леноре без всякой подписи книгу «Преступление и наказание». Позже Ленора, уже после завершения кратковременного романа с Ливеном, самостоятельно углубляется в изучение названных Эрнстом текстов: *«Его честолобивое желание — оставить навсегда след в ее жизни — осуществилось в том смысле, что ей запомнились названия нескольких книг. Ей было хорошо, только когда она читала. Ленора не сомневалась, что все страсти, описанные в книгах, действительно существуют, но книги кончались тогда, когда на самом деле все только начиналось»* [Там же, с. 244]. Описывая подобные настроения своей героини, А. Зегерс показывает, что русская классическая литература оказывает сильное влияние на умы читателей многих других стран. Ленора читает Достоевского не просто для

того, чтобы заполнить свое время перед сном, но и для того, чтобы найти себе пищу для серьезных размышлений, а также разнообразить свою серую, монотонную жизнь, познакомиться в книгах с чувствами и страстями, которые оказались ей недоступными в реальной действительности.

В финале романа к чтению текстов русского писателя прибобщается племянница Леноры Аннелиза Венцлов: *«Как-то поздно вечером Ленора вошла в комнату племянницы, где еще горел свет. По раскрасневшемуся лицу, по растерянному взгляду Ленора поняла, что девушка переживает точь-в-точь то же, что некогда переживала она сама. В книгах Аннелиза столкнулась с такими необыкновенными людьми и чувствами, какие ей не встречались в обыденной жизни; приход тетки как будто застал ее врасплох на запретном знакомстве»* [Там же, с. 526]. Затем она кратко излагает свое понимание сюжета и смысла «Преступления и наказания», специально останавливаясь на идее о том, что «человек не вошь». Мысль героини отталкивается от литературы, ее сюжетов и образов и движется к реальной жизни и к самоопределению, Аннелиза задумывается о коллективной и личной ответственности за все, что происходит в мире. Через изображение таких героев Анна Зегер актуализирует гуманистические идеи Достоевского, которые понятны и близки «непотерянному поколению» молодых немцев в нацистской Германии накануне ее краха [Ишимбаева, 2021, с. 245].

Из вышесказанного можно заключить, что знакомство с произведениями Ф. М. Достоевского способствует духовному преображению героев романа А. Зегерс, более глубокому пониманию ими жизни и отношений между людьми. Романы русского классика помогают персонажам немецкой писательницы осмыслить события своего настоящего и в итоге приводят многих героев к серьезным нравственным метаморфозам. Остановимся подробнее на сопоставительном анализе Эрнста фон Ливена и Ивана Карамазова с целью выявления литературных взаимосвязей между романами «Мертвые остаются молодыми» и «Братья Карамазовы».

3.2. Эрнст фон Ливен и Иван Карамазов: творческие параллели образов

В описании Эрнста фон Ливена отчетливо прослеживаются аллюзии на образ Ивана из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

И Ливен, и Иван обучались вдали от дома и испытывали из-за этого острое чувство одиночества. Отсутствие рядом близких людей привело к тому, что жизнь стала для Ивана борьбой, прежде всего за то, чтобы быть независимым и ощущать себя свободным даже от вынужденной благодарности, ибо Ивану ненавистно быть в долгу перед кем-либо [Флорес Лопес, 2007, с. 140]. Сердце Ливена также очерствело от одиночества, он избегает продолжительных

дружеских или любовных связей, не терпит внезапного вторжения в его личное пространство и очень дорожит своей независимостью.

И Иван, и Ливен принадлежат к числу образованных, много читающих людей. Ивана считают ученым, интеллектуалом, широкий кругозор Ливена также вызывает восхищение у окружающих, он производит впечатление блестящего и остроумного человека.

Иван является умственным нигилистом, который не верит ни в какие положительно-прекрасные идеалы, но при этом и с идеалом содомским примириться не может [Флорес Лопес, 2007, с. 140]. Подобная позиция приводит данного героя к увлечению идеей «вседозволенности». Обладая холодным умом, аналитическим складом мышления, он делает из атеистических идей анархические выводы, отрицая “любовь к ближнему” и всякую вообще нравственную ответственность личности перед обществом [Фридлендер, 1964, с. 329—330]. По мнению Ивана, если нет бессмертия души, так нет и добродетели, значит, все позволено.

Идея вседозволенности становится ядром мировоззрения Ливена под влиянием чтения романов Достоевского. Он разделяет взгляды своего кузена Отто, который во время разговора с Эрнстом излагает их общую концепцию: *«Та сила, которой создается история, никогда не шла от масс. Она всегда рождалась только из идей, а идеи рождались в отдельных личностях, как вы и я»* [Зегерс, 1989, с. 138].

Иван обосновывает свою теорию в специальной статье, Ливен же ограничивается устными рассуждениями. Однако оба персонажа выступают не только носителями разрушительных убеждений, но и пропагандистами их в своей среде.

Ливен также живет рассудком, а не сердцем. Как и Иван, он скептически настроен к миру. Внешним выразителем такого настроения является насмешливый взгляд — отличительная черта Эрнста в романе, элемент его своеобразной маски: *«Это выражение появлялось у него всегда, когда он высказывался о чем бы то ни было, хотя бы предмет и не заслуживает насмешки»* [Там же, с. 270].

В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» отсутствует портретное описание внешности Ивана. Нулевой портрет данного героя, с точки зрения исследователей, выполняет ряд важных художественных функций: 1) выделение и обособление героя в системе персонажей, 2) акцентирование внимания на драматической природе образа, 3) создание элемента «таинственности» героя в читательском восприятии, 4) сближение образа с гоголевской традицией изображения «демонизма обыденности», 5) идейно-смысловая незавершенность, «открытость», «диалогичность» сознания героя [Струк и др., 2022, с. 258—260].

В романе А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» у образа Ливена нет ни ореола таинственности, ни драматической амбивалентности характера, ни обособленного статуса в системе персонажей произведения. Для репрезентации портретных характеристик данного персонажа используются внешние точки зрения других героев, например, несобственно-прямая речь Амалии Венцлов, которой не нравятся ни манера поведения Эрнста за столом, ни его внешность: «...глаза гостя ей тоже не понравились. Хотя они были голубые, но раскосые, и потом — что за странный выговор, певучий и резкий?» [Зегерс, 1989, с. 28]. Красивое спокойное лицо Эрнста, его длинные руки, необыкновенно длинные и густые ресницы вызывают чувство неприятия и отторжения и у его сослуживца Венцлова.

Сам же Ливен считает себя необыкновенной личностью, поскольку он *«ощущал жизнь только когда стоял на тончайшей грани между жизнью и смертью, на грани, которой с таким ужасом избегают мелкие людишки. От серых будней у него почти делалось головокружение, как у канатоходца, который чувствует себя уверенно на своем канате и неуверенно на ровной земле»* [Зегерс, 1989, с. 272].

Однако в его размышлениях нет напряженной динамики, свойственной самосознанию Ивана Карамазова. Отсутствие у персонажа А. Зегерс перемен в отношении к миру подчеркивает и внешний облик Ливена, воссоздаваемый в тексте посредством репрезентации точки зрения его сослуживца Венцлова, который во время их очередной встречи с Эрнстом после длительного перерыва замечает: *«Взгляд его серых, косо поставленных глаз был так же независим и насмешлив, как прежде. Так же блестели слишком мелкие мышинные зубы между дерзкими красивыми губами»* [Там же, с. 269]. В данном портретном описании внешняя привлекательность контрастирует с отталкивающим внутренним миром персонажа. Ливен уверен в собственной исключительности, но выразительные художественные детали, используемые писательницей для воссоздания портрета данного героя, подчинены цели акцентировать несоответствие между представлениями Ливена о самом себе и подлинной сущностью его натуры, что усиливает дихотомию «мелкие мышинные зубы» — «дерзкие красивые губы».

Иван Карамазов — «загадка не только для других, но и для самого себя. Он никак не может самоопределиться, и отсюда его постоянные колебания, смятение, отсутствие четкого выбора жизненной позиции» [Кантор, 1983, с.93]. Иван — идеолог по своей натуре, очень верно подмечает это Алеша: *«Иван не денег, не спокойствия ищет. Он мученья, может быть, ищет <...> в нем мысль великая и неразрешенная. Он из тех, которым*

не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить» [Достоевский, 1982, т. 11, с. 96—97].

Сомнения и колебания присущи и Ливену, но они связаны не с решением философских вопросов, а с желанием обрести определенный социальный статус. После вынужденного перехода в «гражданскую среду» он долго не может найти себе должного применения: работает то агентом световой фирмы, то служащим в банке и обретает чувство удовлетворения только после вступления в ряды национал-социалистической партии, что представляется ему наиболее выгодным для него решением. Сам персонаж дает себе следующую характеристику: *«Я отнюдь не христианин, я до мозга костей язычник, и я поклоняюсь тому, чему поклоняются язычники: Силе и Красоте, Власти и Наслаждению»* [Зегерс, 1989, с. 137].

Иван по-настоящему любит невесту Мити Катерину Ивановну, Ливен же смотрит на женщин лишь как на предмет удовлетворения своих сексуальных потребностей, он добивается легких любовных побед и бросает соблазненных им девушек, не испытывает сострадания к их чувствам и переживаниям.

В образе Ивана ведут борьбу доброе и светлое начала, в образе же Ливена постоянно подчеркиваются только негативные черты — он циничен и жесток. Пиком процесса нарастания отрицательных коннотаций в образе героя становится его превращение в нациста не только по долгу службы, но и по его внутренним убеждениям.

Личность Ивана, как и испытываемые им чувства, отличает масштабность: ненависть и презрение, обнаруженные Иваном по отношению к разным людям, и в том числе к отцу и брату, указывают на патологические размеры этих чувств в душе героя, а вместе с тем и на то, что любовь Ивана к человечеству («Бунт», «Великий инквизитор») имеет характер в значительной степени рассудочный и отвлеченный [Ветловская, 2007, с. 93—94]. Ливен же, в сущности, слабый и внутренне опустошенный человек [Фридлендер, 1978, с. 174]. С одной стороны, он стремится продемонстрировать безразличие к окружающим, с другой, *«его равнодушие нуждается в людях, которых бы это злило»* [Зегерс, 1989, с. 164].

Персонажа русского классика мучают утраты совести, ведь злое намерение Смердякова тайне одобряется им, хотя в открытую это позиция им не высказывается [Геригк, 2016, с. 203]. После совершения преступления усвоившим его идею вседозволенности Смердяковым Иван заболевает «горячкой», бремя моральной ответственности за смерть собственного отца ложится на его плечи. Ливен же не испытывает никаких нравственных страданий из-за совершаемых им преступлений, поскольку утверждение «все дозволено» превращается в его жизненное кредо.

Главный моральный итог развернутой сюжетной линии, связанной с образом Ивана Карамазова в романе Ф. М. Достоевского, заключается в следующем: личность ответственна не только за собственные деяния, но еще в большей мере за последствия, к которым могут привести распространяемые ею идеи [Кийко, 1976, с. 129]. В романе А. Зегерс также подчеркивается неотвратимость расплаты человека за совершенное им зло.

3.3. Демоническое начало в образах Ивана Карамазова и Эрнста фон Ливена

Значительным для раскрытия характеров Ивана Карамазова и Эрнста Ливена в романах «Братья Карамазовы» и «Мертвые остаются молодыми» является демоническое начало, связанное с образом черта у Ф. М. Достоевского и образом дьявола у А. Зегерс.

В разговоре Ивана с чертом раздвоенность персонажа достигает своего апогея. Галлюцинации Ивана объясняются не только его соучастием в смерти отца, но и его неспособностью разгадать тайну мироздания, а для такого мыслителя, как Иван, это означает жить в аду [Флорес Лопес, 2007, с. 153]. Черт выступает как двойник этого-героя атеиста. Двойники в романах Достоевского делают явными, проговаривают самые сокровенные мысли героев, те их заветные идеи, которые сами герои проговорить не смеют, придают их теоретическим построениям логическую завершенность [Подосокорский, 2007, с. 102].

Сам Иван прекрасно осознает истинную природу внезапно посетившего его гостя: *«Ты моя галлюцинация. Ты воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны... моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых»* [Достоевский, 1982, т. 12, с. 150].

После того как произошло убийство Федора Павловича, Иван начинает сомневаться в своей теории. Сторонник вседозволенности, Иван осуждает себя сначала через собственный бунт (бунтует потому, что многого не позволено), а потом через свое неприятие убийства отца. Таким образом, Иван отрицает весь мир (в том числе и себя в нем) и не знает, как ему быть, ибо образ идеала в герое все же силен — образ того, чем должен бы быть этот мир в противоположность тому, что он есть [Флорес Лопес, 2007, с. 157].

Беседа с чертом превращается для данного персонажа в нравственное самоосуждение. После беседы с чертом Иван решает пойти на суд для того, чтобы назвать имя настоящего убийцы, оправдать Дмитрия, признать свою вину в совершении преступления. Это становится первым шагом героя на пути к его освобождению от пагубной теории. По Достоевскому, спасение Ивана — в подвиге деятельностной любви. Иван должен выздороветь и отречься от своего прежнего пренебрежения к человеку и Богу [Флорес Лопес, 2007, с. 160].

В романе А. Зегерс присутствует косвенное сравнение Ливена с дьяволом. Разочаровавшаяся после рождения ребенка в своем муже Элизабет в ответ на реплику супруга о том, что нацисты, видя в Берлине беспризорных голодных детей, рассчитывают точно: *«столько-то должно выжить, столько-то подохнуть»* [Зегерс, 1989, с. 513], — первоначально приходит в замешательство, а спустя некоторое время осознает: *«Такого выбора нет, да и не должно быть. Это бывало только в старых легендах, где дьявол предлагал на выбор: либо я погублю твоего ребенка, либо твою душу»* [Там же, с. 514]. Образ дьявола распространяется в данном случае, по всей видимости, не только на Эрнста, но и на весь нацизм в целом. Символично, что косвенное сравнение с дьяволом появляется в романе незадолго до гибели Ливена.

Анализирует Элизабет и идею вседозволенности, стержневую для нацистской идеологии. Это происходит в тот момент, когда становится понятно, что Вторая мировая война Германией проиграна. Героиня понимает абсурдность тезиса о вседозволенности, связанного с убежденностью в том, что нация превыше всего, ведь ввиду последнего разрешенными оказываются даже гнусные поступки. Эгоистичная и циничная в начале романа, в финале произведения Элизабет достигает духовного прозрения гораздо раньше своего супруга: *«Германская нация превыше всего, — значит, все дозволено. А если нет, если ей вдруг станет ясно, что не все дозволено, значит, и нация не выше всего?»* [Там же, с. 514]. Таким образом, неприятие супруга-фашиста приводит Элизабет к осознанию подлинных масштабов преступлений нацизма, желанию отмежеваться от него и его приверженцев. Иллюзорность надежд этой героини на спасение в трагико-иронической форме показана в эпизоде ее бегства вместе с сыном от преследователей, во время которого она принимает лунный блеск, отражающийся на ледяной глади озера, за огни деревни, и, направившись туда, блуждает в заснеженном лесу и погибает там вместе со своим ребенком. Таким образом, А. Зегерс показывает своим читателям, что отмежеваться от фашизма невозможно, расплатой за причастность к нему может быть только смерть.

В обоих произведениях возникновение демонических образов либо упоминание о них становится поворотным моментом для перемен в судьбах героев, ведущих к их отказу от идеи вседозволенности, хотя делают они это по-разному. В романе Ф. М. Достоевского появление черта символизирует кульминационную точку переживаемого Иваном духовного кризиса, возникающий в романе А. Зегерс образ дьявола подчеркивает чудовищную бесчеловечность, изощренную жестокость совершаемых нацистами преступлений.

3.4. Проблема вины и ответственности в романе А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» в контексте литературного влияния Ф. М. Достоевского

Проблема ответственности за совершаемое человеком зло в романе А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» тесно связана с антифашистским пафосом данного произведения. Несмотря на широкий охват времени и пространства, основное действие романа связано с описанием дальнейших судеб пяти палачей Эрвина после расстрела ими данного героя, а также судьбы его возлюбленной Марии и их общего с ней сына Ганса.

Положительных героев романа А. Зегерс отличает осознание собственной вины за совершенные ими преступления. Так, Ганс, сражаясь рядах гитлеровской армии, вынужден убивать советских людей, и впоследствии он размышляет над этим: *«С ним произошло то, что он считал совершенно невыносимым. Он не только выстрелил в первый раз, но и стрелял бесчисленное количество раз. И стрелял не только в пространство, в ближнем бою он видел, в кого стреляет. Он видел серп и молот и все-таки стрелял. Знак серпа и молота он с малолетства встречал в самых различных местах <...> А теперь стрелял по нему. Потому что все стреляли. Почему же все стреляли?»* [Зегерс, 1989, с. 473]. Герой романа мучительно ищет ответ на вопрос, что же толкнуло его на путь жестокости и насилия. В итоге он понимает, что причиной этого является водоворот не зависящих от него историко-политических событий, которому, с одной стороны, невозможно противостоять, с другой — нет шансов вырваться из него: *«<...> он не может выскочить из общего ряда, как одна волна не может выскочить из целого потока. Если с той стороны выстрелят на секунду раньше, конец ему и всем остальным»* [Там же, с. 473]. В осознании этого обстоятельства трагедия не только отдельной личности, но и всего немецкого народа в целом. Однако писательница достаточно категорична в вопросе ответственности своих персонажей за их бесчеловечные поступки. Ценой расплаты за них может быть только их собственная жизнь. Как справедливо отмечает исследователь И. Мишин, А. Зегерс и Ф. М. Достоевского сближает то, что у каждого из этих авторов герои, наделенные совестью, мучительно переживают совершенные ими преступления. На примерах своих положительных персонажей, к числу которых в романе «Мертвые остаются молодыми» относится Ганс, писательница показывает, что не бывает маленьких людей, которые могут стоять в стороне от всех событий, что люди не винтики, послушно работающие на гитлеровскую машину, что каждый человек должен отвечать перед своей совестью и совестью народа за поступки другого так же, как за свои собственные [Мишин, 1974, с. 62].

4. Заключение = Conclusions

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что русской литературе, творчеству Ф. М. Достоевского в романе А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» отведен особый статус. Для героев данного произведения тексты русского классика не только становятся предметом размышлений, но и дают импульс к тому, чтобы осмыслить события своей современности.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ образов Ивана Карамазова и Эрнста фон Ливена показал, что в романе «Мертвые остаются молодыми» А. Зегерс опирается на традиции и эстетику произведений Ф. М. Достоевского для обличения фашизма. Стоит отметить, что по своему художественному масштабу образы данных персонажей несопоставимы, однако отдельные аллюзийные отсылки к образу героя русского классика в образе персонажа немецкой писательницы присутствуют.

И Ливен, и Иван Карамазов — герои-атеисты, не только опирающиеся в своей жизни на идею вседозволенности, но и пропагандирующие ее. Оба этих персонажа одиноки, одержимы гордостью, высокомерным и презрительным отношением к людям, интеллектуально они выше большинства окружающих. В образе и героя Ф. М. Достоевского, и героя А. Зегерс присутствует демоническое начало, которое хотя и раскрывается с различной степенью полноты, но тем не менее в обоих романах свидетельствует о пагубности декларируемых героями идей и совершаемых поступков.

В то же время между данными персонажами присутствует и ряд различий. Иван после убийства отца осознает ошибочность собственных мировоззренческих установок и в итоге идет в суд и признает свою вину в совершившемся преступлении. Ливен же не раскаивается в своих преступных деяниях. Вина Ивана — нравственная, вина Ливена — непосредственно физическая и юридическая.

Образ Ивана амбивалентен, образ Ливена отрицателен. А. Зегерс не дает ему никаких шансов на спасение, потому что, по ее представлениям, человек должен понести наказание за совершенное им зло. Ф. М. Достоевский же позволяет своему герою вступить на путь освобождения от пагубной идеи, заставляет его пережить раскаяние и дает ему надежду на духовное и нравственное исцеление.

Проведенный анализ показал, что А. Зегерс в романе «Мертвые остаются молодыми» подвергает творческой переработке художественный опыт Ф. М. Достоевского, изображая силу влияния его произведений на сознание и умы последующих поколений читателей не только в России, но и за ее пределами. Немецкая писательница солидарна с русским автором

в том, что следование идее вседозволенности неизбежно ведет человека к жизненному краху. В обоих произведениях показано, как человеко-нави́стничество побуждает к совершению преступлений, но в различных масштабах: в романе «Братья Карамазовы» — внутри одной семьи, в романе «Мертвые остаются молодыми» — в рамках целой нации. А. Зегерс создает самобытное произведение, основанное на материале истории ее родной страны, но при этом, выражая свои убеждения, учитывает литературные традиции Ф. М. Достоевского.

Выявленные в поэтике романов «Братья Карамазовы» и «Мертвые остаются молодыми» переключки и взаимосвязи свидетельствуют о параллелях в идейных взглядах русского и немецкого авторов, что, в свою очередь, позволяет наметить направления дальнейших исследований по выявлению влияния Ф. М. Достоевского на особенности разработки антифашистской проблематики в более поздних произведениях А. Зегерс.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений в 12 т. — Москва : Правда, 1982. — Т. 11. — 624 с. ; Т. 12. — С. 5—521.
2. *Зегерс А.* Мертвые остаются молодыми / А. Зегерс ; пер. с нем. Н. Касаткиной и В. Станевич. — Москва : Правда, 1989. — С. 5—580.

Литература

1. *Ветловская В. Е.* Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / В. Е. Ветловская. — Санкт-Петербург : Пушкинский Дом, 2007. — 640 с. — ISBN 978-5-91476-001-1.
2. *Геригк Х. Ю.* Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» / Х. Ю. Геригк : авториз. пер. с нем. и науч. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского. — Санкт-Петербург : Пушкинский Дома ; Нестор-История, 2016. — 320 с. — ISBN 978-5-87781-042-6; 978-5-4469-0834-9.
3. *Достоевский и его время* / под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридендера. — Ленинград : Наука, 1971. — 368 с.
4. *Ишимбаева Г. Г.* Рецепция русской литературы в творчестве Анны Зегерс / Г. Г. Ишимбаева // Вестник Башкирского университета. — 2021. — Т. 26. — № 1. — С. 241—249. — DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.1.38.
5. *Кантор В.* «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского / В. Кантор. — Москва : Художественная литература, 1983. — 192 с.
6. *Кийко Е. И.* Из истории создания «Братьев Карамазовых» (Иван и Смердяков) / Е. И. Кийко // Достоевский. Материалы и исследования. — Ленинград : Наука, 1976. — Т. 2. — С. 125—129.
7. *Леман Ю.* Между партийностью и критической дистанцией: поздний период творчества Анны Зегерс / Ю. Леман // Русская литература в Германии. Восприятие русской литературы в художественном творчестве и литературной критике немецкоязыч-

ных писателей с XVIII века до настоящего времени. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. — С. 288—293. — ISBN 978-5-907117-03-7.

8. Мельникова Л. А. Рецепция художественного опыта Ф. М. Достоевского в романе А. Зегерс «Транзит» / Л. А. Мельникова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2022. — Т. 2. — № 2 (38). — С. 89—95. — DOI: 10.51965/20767919_2022_2_2_89.

9. Мишин И. Достоевский и зарубежные писатели (основные проблемы творчества, традиции и новаторство) : учеб. пособие по спецкурсу / И. Мишин. — Ростов-на-Дону : [б. и.], 1974. — 135 с.

10. Мотылева Т. Л. Анна Зегерс. Личность и творчество / Т. Л. Мотылева. — Москва : Художественная литература, 1984. — 399 с.

11. Подосокорский Н. Н. Картина наполеоновского мифа в романе «Братья Карамазовы» / Н. Н. Подосокорский // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» : современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. — Москва : Наука, 2007. — С. 98—114. — ISBN 5-02-033864-8.

12. Струк А. А. Функциональный портрет Ивана Карамазова / А. А. Струк, С. В. Сливко // Мир науки, культуры, образования. — 2022. — № 4 (95). — С. 258—261.

13. Топер П. Последействие / П. Топер // Зегерс А. Мертвые остаются молодыми : пер. с нем. Н. Касаткиной и В. Станевич. — Москва : Правда, 1989. — С. 581—590.

14. Флорес Лопес Х. Л. Иван Карамазов. Философия отрицания / Х. Л. Флорес Лопес // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» : современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. — Москва : Наука, 2007. — С. 137—160. — ISBN 5-02-033864-8.

15. Фридлендер Г. М. Достоевский, немецкая и австрийская проза XX в. / Г. М. Фридлендер // Достоевский в зарубежных литературах. — Ленинград : Наука, 1978. — С. 117—174.

16. Фридлендер Г. М. Реализм Достоевского / Г. М. Фридлендер. — Москва, Ленинград : Наука, 1964. — 405 с.

Статья поступила в редакцию 24.07.2024,
одобрена после рецензирования 25.09.2024,
подготовлена к публикации 12.10.2024.

Material resources

Dostoevsky, F. M. (1982). *The Brothers Karamazov*. In: *Collected works in 12 volumes*. Moscow: Pravda. 11: 624 p.; 12: 5—521. (In Russ.).

Zegers, A. (1989). *The dead remain young*. Moscow: Pravda. 5—580. (In Russ.).

References

Bazanov, V. G., Friedlander, G. M. (eds.). (1971). *Dostoevsky and his time*. Leningrad: Nauka. 368 p. (In Russ.).

Flores Lopez, H. L. (2007). Ivan Karamazov. Philosophy of Denial. In: *F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov": the current state of study*. Moscow: Nauka. 137—160. ISBN 5-02-033864-8. (In Russ.).

Friedlander, G. M. (1964). *Dostoevsky's Realism*. Moscow, Leningrad: Nauka. 405 p. (In Russ.).

Friedlander, G. M. (1978). Dostoevsky, German and Austrian prose of the twentieth century. In: *Dostoevsky in foreign literatures*. Leningrad: Nauka. 117—174. (In Russ.).

- Gerigk, H. Y. (2016). *Dostoevsky's literary skill in development. From "Notes from the Dead House" to "The Brothers Karamazov"*. St. Petersburg: Pushkin House; Nestor-History. 320 p. ISBN 978-5-87781-042-6; 978-5-4469-0834-9. (In Russ.).
- Ishimbayeva, G. G. (2021). Reception of Russian literature in the works of Anna Zegers. *Bulletin of Bashkir University*, 26 (1): 241—249. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.1.38. (In Russ.).
- Kantor, V. (1983). *"Brothers Karamazov" by F. M. Dostoevsky*. Moscow: Fiction. 192 p. (In Russ.).
- Kiiko, E. I. (1976). From the history of the creation of the "Brothers Karamazov" (Ivan and Smerdyakov). In: *Dostoevsky. Materials and research*, 2. Leningrad: Nauka. 125—129. (In Russ.).
- Lehman, Yu. (2018). Between Partisanship and critical distance: the late period of Anna Zeger's work. In: *Russian literature in Germany. The perception of Russian literature in the artistic work and literary criticism of German-speaking writers from the XVIII century to the present*. Moscow: YASK Publishing House. 288—293. ISBN 978-5-907117-03-7. (In Russ.).
- Melnikova, L. A. (2022). Reception of F. M. Dostoevsky's artistic experience in A. Zeger's novel "Transit". *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 2 / 2 (38): 89—95. DOI: 10.51965/20767919_2022_2_2_89. (In Russ.).
- Mishin, I. (1974). *Dostoevsky and foreign writers (the main problems of creativity, traditions and innovation): textbook. the manual on the special course*. Rostov-on-Don: [b. i.]. 135 p. (In Russ.).
- Motyleva, T. L. (1984). *Anna Zegers. Personality and creativity*. Moscow: Fiction. 399 p. (In Russ.).
- Podosokorsky, N. N. (2007). The picture of the Napoleonic myth in the novel "The Brothers Karamazov". In: *F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov": the current state of study*. Moscow: Nauka. 98—114. ISBN 5-02-033864-8. (In Russ.).
- Struk, A. A., Slivko, S. V. (2022). Functional portrait of Ivan Karamazov. *The world of science, culture, and education*, 4 (95): 258—261. (In Russ.).
- Toper, P. (1989). Afterword. In: *Zegers A. The dead stay young*. Moscow: Pravda. 581—590. (In Russ.).
- Vetlovskaya, V. E. (2007). *Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"*. St. Petersburg: Pushkin House. 640 p. ISBN 978-5-91476-001-1. (In Russ.).

*The article was submitted 24.07.2024;
approved after reviewing 25.09.2024;
accepted for publication 12.10.2024.*